

К. И. Алексеев. Реальность психики (Семинар С. С. Розовой 18.08.2009.)

Участники: С. С. Розова, К. И. Алексеев, П. Г. Гусев, Л. С. Сычева

и ещё один участник.

С.Р.: К. И. Алексеев – автор самой продвинутой статьи по проблеме психической реальности.

К.А.: Да нет...

С.Р.: А какие ты статьи можешь назвать, более продвинутые?

К.А.: Более продвинутые? Не знаю.

С.Р.: Я, зная большинство опубликованных статей на эту тему, считаю, что твоя статья самая продвинутая.

К.А.: Основной тезис я много раз озвучивал, в том числе и в так называемых продвинутых статьях: так называемой психической реальности не существует. Если мы работаем в рамках теории социальных эстафет, то мы должны объяснять поведение человека исходя из его включенности в те или иные эстафеты – эстафеты поведения, деятельности и словоупотребления.

Если придерживаться традиционной позиции, то так называемая психическая реальность, во-первых, производна от наблюдаемого поведения – в том числе речевого поведения – производна от того, что человек говорит и что он делает. И все гипотетические конструкты внутреннего мира опять же призваны объяснить наблюдаемое поведение, в том числе и речевое поведение. Собственно, здесь и появляется дилемма реализма и антиреализма: существуют ли в действительности теоретические конструкты, которые привлекаются для объяснения поведения? Широко известна традиция бихевиоризма, который предлагает объяснять поведение только исходя из поведения и не привлекать для этого никакие гипотетические конструкты сознания и внутреннего мира, психической реальности.

Если мы работаем в рамках теории социальных эстафет, то та реальность, которую мы знаем и которая существует, реальность социальных эстафет, и должна служить объяснением наблюдаемого поведения. Это, вкратце, мое вступительное слово.

Вопросы.

С.Р.: Откуда взята идея, что психическая реальность – причина поведения? Почему независимо от вопроса о причине поведения ее нельзя рассматривать как существующую?

К.А.: Психику можно рассматривать не как причину поведения, а как эпифеномен.

С.Р.: Наоборот, я допускаю, что психика является сущностью, выступает как сущностное бытие, у которого есть внешние проявления. К внешним проявлениям может относиться и поведение и деятельность. Но и не только – а все явления, которые называют психическими.

А представление о психике как о эпифеномене совпадает с отрицанием ее существования как сущности.

Психика нам не нужна, если мы стоим на позиции теории социальных эстафет. Но психика, возможно, нужна как сущностное основание для психических явлений – по традиции, что за явлениями стоит некая сущность.

П.Г.: Это тоже объяснение будет, тоже речь пойдет о причине.

С.Р.: Да, но не поведения, а психических явлений, среди которых есть память, внимание, ощущение, восприятие, эмоции, воля...

К.А.: Это все так или иначе можно свести к поведению. Как убедиться в существовании памяти?

С.Р.: Это не значит – свести.

К.А.: На основании чего мы делаем вывод о существовании памяти? На основании определенного поведения. Человеку назвали ряд из десяти слов и сказали: повтори. Он их повторил. Значит, эти десять слов запечатлелись в памяти. Как убедиться в существовании восприятия? Испытуемому показывают что-то нарисованное и спрашивают: это что, квадрат или круг? Он говорит: круг. Значит, он воспринимает, у него работает восприятие.

Даже традиционная позиция предполагает, что все психические явления производны от наблюдаемого поведения. Нет другого способа задать...

С.Р.: В каком смысле производны? Логически или эпистемологически? Ты ведь показал только их производность от наблюдения за поведением. Возможность наблюдать за поведением и через это умозаключить о наличии памяти. Это чисто методологический ход, который не может приобрести онтологический статус. Ты не можешь сказать, что поведение рождает память, онтологически.

К.А.: Да, собственно, как мы уже знаем, онтологический статус мы сами приписываем тем или иным сущностям.

С.Р.: Да. Тогда ты не должен из поведения выводить психические явления, и твой тезис пока не получает убедительного подтверждения – тот тезис, что если не причина поведения, то не сущность. Я допускаю, что возможно: сущность – и не причина поведения, а причина появления психических явлений, психических свойств, причина того, что мы называем психикой.

К.А.: Но вот нет другого способа описать психику, кроме как через поведение.

С.Р.: Есть. Как ты знаешь, это интроспекция.

К.А.: Но интроспекция тоже, так сказать, неявно предполагает в себе речевое описание, т. е. опять же речевое поведение.

Л.С.: Вот в других науках ты признаешь, что есть что-то, что «стоит за»: янтарь притягивает бумажку, а объясняют это при помощи электрической жидкости.

К.А.: Конечно.

Л.С.: А почему в психологии не так?

К.А.: То же самое. За наблюдаемыми явлениями стоят...

С.Р.: Стоят эстафеты. Речь идет только о том, что выбрать в качестве сущности, объясняющей поведение. Ты выбираешь социальные эстафеты, конкретно представленные внутренней речью.

К.А.: Да. Или внешней...

С.Р.: Нет одного без другого, т. е. все равно тебе нужна внутренняя речь для того, чтобы...

Л.С.: Тогда можно сказать, что психика есть, но она есть в какой-то комбинации эстафет?

К.А.: Нет. То, что традиционно называют психикой, можно представить совокупностью воспроизводимых образцов. В рамках теории социальных эстафет психики нет как онтологической сущности.

С.Р.: Как онтологической сущности – нет. Онтологическая сущность, поскольку мы ее приписываем, есть у психических явлений. Психические явления существуют. Вся психология исходит из того, что существуют память, внимание. И возможность сведения памяти, внимания в эпистемологическом смысле к поведению, а поведения к эстафетам, еще не означает, что нет этих как бы вторичных проявлений – чего? – эстафет.

Психика, будучи вторичным проявлением эстафет как сущностей, тем не менее бытует. Все те явления, которые изучает психология, обладают статусом существования. А Костя говорит: и явления не существуют.

Не существует памяти как некоторой базовой основы. Подобно тому как не существует идеального как базовой основы, поскольку идеальное есть феномен неполноты выделения системы, вот что Костя говорит.

К.А.: Да.

С.Р.: Костя обсуждает свою концепцию в рамках однослойной реальности. Его реальность сводится к одному единственному слою, представленному эстафетами. А то, что эстафеты порождают очень богатый мир проявлений, в том числе такой, как социальные институты – нельзя же сказать, что социальные институты не существуют – существуют социальные институты, социальные механизмы всякие существуют. Т. е. концепция однослойной реальности, мне кажется, неудовлетворительна. Потому что она не учитывает то, что сказал Уиллер в знаменитом высказывании: на определенном этапе своего развития Вселенная породила наблюдателей, существование которых привело к появлению – значит существованию – нового свойства у Вселенной, свойства наблюдаемости или осязаемости, которую мы считаем основанием для утверждения о существовании. Мы, люди, появившись во Вселенной как наблюдатели, реализовали феномен наблюдения, который породил одновременно наблюдаемость у Вселенной и совокупность наших наблюдений, превратив нас как в актеров, так и в участников, т. е. наблюдателей драмы жизни.

Таким образом, это высказывание Уиллера как бы претендует на то, чтобы выделить два слоя в реальности: один слой реальности – реальность без наблюдателей и второй слой реальности – феномены, которые возникли благодаря рождению Вселенной наблюдателей. И уже Боровская дополнительно схватывает эти две формы реальности. Мне кажется, что недостаточно считать, что если психика не является причиной поведения, то ее и нет. Мне кажется, что есть зазор в рассуждении твоём, который у тебя отсутствует, но я его хочу раздвинуть и создать место, в котором можно поместить психику как существующую, но не как Вселенную до человека.

Психика явно связана с появлением человека, хотя какие-то элементы психики есть и у животных – значит, с появлением жизни, может быть, особых форм жизни с нервной системой...

К.А.: Вот это, конечно, удивительно, когда я начинал преподавать, заново перечитал Леонтьева «Проблемы развития психики». И он там пишет, что о наличии психики мы можем судить только по поведению. А дальше вот это различие идет, на какие свойства внешней среды реагируют живые организмы. Различение такое: на отдельные свойства предметов, на сами предметы и на отношения между предметами. Вот это звучит, наверно, дико. Но Леонтьев еще говорил об отражении: животные на определенной стадии отражают только отдельные свойства предметов.

С.Р.: Ну, это все – методология предзаданности мира и объективного существования мира в форме предметов, их свойств и отношений. Значит, Леонтьев вначале положил реальность вот этого бытия: мир состоит из предметов, свойств этих предметов и отношений. И отсюда уже выстраивает генетическую цепочку происхождения психики.

Если поменять теперь это исходное мировоззренческое основание – оно явно мировоззренческое, оно потом перерастает в методологическое – если его изменить, считать мир не предзаданным, тогда получается, что Вселенная, прежде чем развить человека, родила амёбу, потом лягушку... Начнем с амёбы, потому что она жгутиком своим переходит из одной части банки в другую, потому что там теплее. Вселенная породила животный мир, у некоторых животных – нервную систему хотя бы в зачаточном состоянии в виде ганглий, нервных узлов, и тем самым произошло взаимодействие объективно существующего мира и этой нервной ткани – тоже как объективно существующего материального феномена. В ходе этого взаимодействия появилось некоторое явление, которое мы допускаем гипотетически, как существующее в амёбе или инфузории, на основании спуска вниз того, что мы сами в людях видим и признаем существующим, – чувства удовольствия, допустим. Если у инфузории и нет чувства удовольствия – мы не знаем, есть оно или нет – но, несомненно, бихевиоризм здесь абсолютно не критикуем: мы видим, что она подвинулась. Из

того, что она подвинулась, мы можем строить разные метафизические гипотетические сущности.

К.А.: В том то и дело, и бихевиористская психология, и традиционная психология, которая признает наличие психической реальности, они строят свои умозаключения ни на чем, кроме как на анализе поведения. Тут вопрос чисто, действительно, методологический: приписывать или не приписывать психике статус реального существования? Леонтьев приписывает и говорит, что, да, нужно такое психическое отражение реальности, чтобы животные демонстрировали такое поведение. Тогда психика нужна для того, чтобы управлять поведением.

– А по Розову, что управляет поведением?

С.Р.: Эстафеты.

К.А.: Эстафеты.

– Нет, а выбор эстафет?

С.Р.: Он не знает.

К.А.: Ценности.

– Так вот, там, где ценности, где выбор эстафет, это и есть психика.

К.А.: Почему? Ценности определяют, какой способ поведения будет выбран. Пойдет ли человек на вечеринку или в библиотеку?

– Эти ценности сводятся к эстафетам?

К.А.: Нет.

С.Р.: Да, ценности сводятся к эстафетам, по Розову, потому что они представляют собой образцы выбора.

П.Г.: Нет, одно дело способность выбирать – образец выбора показывает, что можно выбрать одно из нескольких вариантов. А что именно я выберу из этих вариантов, это эстафета не задает.

К.А.: Почему выбрана именно вечеринка, а не библиотека или наоборот? Это можно проанализировать предыдущие эстафеты.

П.Г.: При чем здесь эстафета?

К.А.: Потому что у человека в поле зрения находилось огромное количество фактов выбора...

П.Г.: Да, кто-то ходил в библиотеку, кто-то на вечеринку. Я это вижу, и?

К.А.: И вот о наличии или сформированности ценностей можно как раз и... можно анализировать, при каких обстоятельствах человек наблюдал или участвовал в каких-то актах выбора, что он выбирал и почему у него сформировалась именно такая система ценностей, а не другая. Так вот должен выглядеть этот анализ, по Розову.

П.Г.: При чем же тут эстафета? Если я, допустим, сходил в библиотеку, сходил на вечеринку...

Л.С.: Потом понял, что в библиотеке лучше – или наоборот...

П.Г.: Значит, я могу делать и то, и другое...

К.А.: Да, и другие люди тоже ходили на вечеринки, в библиотеки...

Л.С.: А потом начали рассуждать.

К.А.: Необязательно, можно и не рассуждать.

П.Г.: А если я, допустим, после этого перестал ходить в библиотеку, а стал ходить только на вечеринки?

С.Р.: Эстафета не объяснит этого. Почему – потому что...

К.А.: Тут нужно объяснять совокупностью, не одной отдельно взятой эстафетой.

С.Р.: Но выбор ты не объяснишь совокупностью. Выбор единичен, а совокупность множественна. Тут дырка.

К.А.: Не понимаю.

П.Г.: Возьмем проще. Я попробовал гречневую кашу, рисовую кашу, а потом стал варить себе все время рисовую кашу. Какую роль тут играют эстафеты?

С.Р.: Тут играет роль чувство удовольствия от рисовой каши по сравнению с чувством неудовольствия от гречневой.

Л.С.: Тут играет роль эстафета, что нужно следовать удовольствию – или пользе.

С.Р.: Это уже в качестве обоснования, когда тебя припрут к стенке. А можно следовать удовольствию, скажет этот человек. Можно, есть такая традиция. Гедонизм как определенная направление жизни.

Л.С.: Есть нерешительные люди. Вот он сам не может выбрать – идти на вечеринку или в библиотеку.

К.А.: Личностные качества тоже сводятся к частоте определенного поведения.

С.Р.: Костя, мне кажется, что ты искажаешь Розова. Он не отрицает существования ментальных состояний и только говорит, что он волевым способом отказывается их учитывать в своей теоретической концепции, потому что человечество не знает, что это такое, и наука еще очень далека от того, чтобы дать разумное объяснение феномену ментальных состояний. Он просто волевым способом от них абстрагируется и говорит, что абстракция от ментальных состояний всегда в естествознании давала положительные результаты. И он следует этой традиции, этим образцам. Ты знаешь эти образцы. Сначала это Галилей, с которого здесь все началось. Потом он вспоминает возможность абстрагироваться от феномена пространства и времени и т. д. То есть вот эта вот идея, что абстракция от ментальных состояний всегда в естествознании приводила к полезным результатам – когда удалось тепло свести к движению мелких частичек, а потом к кинетической энергии движущихся молекул – это и есть абстракция от ментальных состояний.

К.А.: В чем же искажение?

С.Р.: Искажение – в том, что не исключено, что есть наукой не освоенная психическая реальность, и он не может отрицать ее существования просто потому, что... очевидно, что большое количество эмпирических явлений в жизни людей толкает их к необходимости зафиксировать вместе с возникновением жизни и особых форм

жизни с нервной системой существование вот этого явления, которое мы называем психикой.

К.А.: Это, опять же, вот, как говорится, имплицитная, или наивная теория. Сейчас изучаются в психологии имплицитные теории личности, интеллекта и т. д. – что обычные люди представляют себе под личностью, интеллектом, психикой и т. д. Из этого не следует, что нужно онтологизировать эти представления.

С.Р.: Но из этого и не следует невозможность этого.

К.А.: Собственно, да. Это точка свободного выбора и... наши с вами свободные выборы прямо противоположны.

С.Р.: Теперь еще один аспект – классическая и неклассическая наука, предзаданность и непредзаданность мира. Мне кажется, что современные психологические теории – некоторые – подошли к тому, чтобы наработать эмпирический материал, интерпретация которого дает возможность подтвердить неклассическое утверждение, что мы в конце концов не знаем, как устроен объективный мир. Каким образом это подтверждается в психологической теории? Я знаю двух авторов и два источника – в одном из них делается прямое утверждение об этом, это Вересов, который говорит, что образ ничего не отражает. То, что мы называем образом, на самом деле творит объективную реальность. Мне думается, что явление онтологизации вот этого возникшего продукта взаимодействия между материальным телом человека и материальным телом Луны, приводящее к тому, что в человеке возникает то, что получило название образа Луны, есть как бы база для онтологизации на самом деле этого образа. Т. е. не исключено, что образ первичен по отношению к объекту. Потому что обратное отношение, когда объект первичен, а образ вторичен, возникло на базе основных мировоззренческих установок классической науки. А вот уже у Веккера, мне кажется, чрезвычайно интересная идея заключается как раз в том, что образ описывается на языке свойств внешнего предмета.

К.А.: Да, традиционный ход. Вся проблематика психологии восприятия – пытаются описать образ исходя из свойств объекта.

С.Р.: А ты не встречал среди 12 концепций, которые Олпорт называет концепциями восприятия, таких, которые восприятие рассматривают как что-то первичное по отношению к объекту?

К.А.: Нет, так впрямую нет.

С.Р.: Вот я считаю, что в этом смысле Вересов очень смелые делает заходы. Но его *development of mind*, его модель возникновения человеческого мышления, разума, сознания и психики, в которой утверждается, что внешнее и внутреннее – это аксиома, от которой следует отказаться изначально. Внешнее возникает только вместе с внутренним из живого действия. Он усматривает это живое действие в движении плода в утробе матери, когда в этом движении формируются две составляющие этого движения. Одну он называет продуктивной, вторую – репродуктивной.

Продуктивное движение рождает ощущение или рождает образ, рождает психическое, а репродуктивное движение – это то, что можно было бы назвать онтологизацией, по принципу синдрома Пигмалиона, когда то, что оказывается внутренним, связано единой цепочкой с этим внешним.

К.А.: Это такой традиционный путь советской психологии, когда пытались объяснить происхождение внутреннего из внешнего

С.Р.: А тут наоборот: происхождение внешнего из внутреннего.

К.А.: Он меняет, но способ рассуждения сохраняется, я бы так сказал.

«Живое движение» – мы это обсуждали зимой, я говорил, что не понимаю – нет конструктора. Невозможно с этими сущностями что-то делать. Так же, как и с любыми психическими сущностями. Нет правил оперирования. Или они выдумываются на ходу, ad hoc, изменяются – достаточно произвольно, в зависимости от эмпирических данных. Поэтому когда Солсо пишет, что когнитивные модели совершенно великолепные, обычно проблемы в несовпадении модели и результатов... – я не понимаю, пишет ли он это иронически или искренне.

П.Г.: Чем оно отличается от поведения?

С.Р.: К чему мы пришли? К тому, что вопрос, существует ли психическая реальность, это точка произвольного выбора.

К.А.: Вопрос метафизический, философский, не научный. В рамках психологии

С.Р.: ...если ты конструктивно из внутренней речи построшь память, внимание и все остальное.

К.А.: Из воспроизведения образцов.

С.Р.: Ну, я уже иду дальше, потому что внутренняя речь – это все-таки нечто психологическое.

К.А.: Ну, в традиционном смысле. Но как правило, для построения памяти в простейших случаях внутренняя речь не нужна.

Л.С.: А представления о самом себе, самообраз – это же ...

К.А.: Я-концепция? Тоже не обязательно требует внутренней речи – и вообще речи.

Л.С.: Я хочу сказать, выбор, выбор ценностей, самооценка – это все связывается с психической реальностью.

К.А.: Можно и без психической реальности обойтись. Это показывают результаты таких опросов, как беседы с первокурсниками с целью выявления мотивации поступления в вуз. Никакой внутренней речи и самосознания, как правило, не требуется. Повторяются какие-то штампы, решения принимаются стихийно. После того, как бедного респондента загоняют в угол, он говорит: я не знаю.

Почему ты решил поступать на психологический факультет?

Я хочу помогать людям.

А есть еще какие-то профессии, которые помогают людям?

Да, есть.

Почему выбрал именно психологию?

Не знаю, так получилось.

Мне интересна психология.

А что тебе еще интересно? (Идет какой-то перечень.)

А почему выбрана именно психология?

Л.С.: Он может так сказать: помогают людям врачи, но это так ужасно, поэтому я сюда пошел.

К.А.: Все помогают людям...

– А если интересна психология?

К.А.: Интерес тоже сам нуждается в объяснении, он не возникает на пустом месте.

– А если психика существует, интерес туда вмонтирован. Интересно, потому что интерес, все – это уже конец. Это уже онтологически.

К.А.: Если исходить из того, что интерес это окончательная сущность, дальше которой в объяснении нельзя двигаться, – ну и что, собственно, мы не знаем, чем человек, которому интересна психология, отличается от того, кому интересна философия.

– Дальше можно строить модели, реконструировать, что в голове.

К.А.: Тогда это уже не сущность.

– Почему, это сущность, которая нам дана, мы из этого исходим.

К.А.: Это существует как явление, не более того. Как теплота; какие-то объекты были теплые, какие-то – холодные. По определению, если мы строим какие-то модели для объяснения, то это явление, а не сущность.

С.Р.: О тезисе, что эстафета – причина поведения. Мы в нем увидели некоторую дырку. Ты все-таки не дал эстафетного объяснения феномена выбора. На мой взгляд, он предполагает некий коэффициент, который относится к тому, что называется внутренним миром человека, его личностное предпочтение. Это работа его Я: нет, это мне более приятно, более интересно.

К.А.: Это можно свести к предыдущим актам выбора.

С.Р.: К предыдущим – нет. Тебе Павел сказал: всегда ел гречневую кашу, а теперь стал есть рисовую.

К.А.: Можно свести не в прямую, а опосредованно. Подобно тому как по образцу фразы «мел белый» можно построить фразу «трава зеленая». Не было конкретных образцов выбора между вечеринкой и библиотекой, но были другие образцы выбора

С.Р.: Но тогда это случайный выбор, как у Буридана. Если нет, то чем определяется выбор именно дискотеки?

К.А.: По образцу других выборов, например, пойти на пляж или почитать книжку.

С.Р.: Но почему образец выбора между пляжем и книжкой привел все-таки к вечеринке, а не к библиотеке?

К.А.: Ну опять же, исходя из того, какие другие выборы были сделаны в прошлом. Других объяснений быть не может. Эти выборы нужно реконструировать, реконструировать и найти.

П.Г.: Ты таким образом уходишь на шаг назад, а вопрос остается. Представим, что меня каждый день кормят гречневой кашей. Затем я вижу, что другие люди делают выбор, например, между тем, чтобы пойти на пляж или пойти в кино. После этого, когда мне предлагают гречневую кашу, я не начинаю сразу ее есть, а начинаю искать другие варианты и обнаруживаю, что есть еще каша рисовая, есть манная. Теперь, по твоей модели, я начинаю выбирать. Но что именно я выберу, чем это будет определяться?

К.А.: Прошлыми актами выбора.

П.Г.: Прошлых актов никаких не было. Я первый раз попробовал рисовую кашу и манную.

К.А.: Опять же, это может быть обусловлено тем, что рисовая больше понравилась. Для человека стремление к удовольствию есть ценность, что было продемонстрировано в предыдущих актах выбора.

С.Р.: Значит, есть феномен удовольствия?

К.А.: Как феномен, не более того.

П.Г.: А какая тут может быть эстафета?

К.А.: Человек стремится к получению удовольствия, от всего, в том числе и от употребления каши.

П.Г.: Как это можно продемонстрировать, как можно задать образец стремления к удовольствию?

К.А.: Другой человек есть мороженое. Говорит: мне нравится. Вот, пожалуйста, уже образец удовольствия. Дайте мне еще мороженое.

П.Г.: Для меня это просто слово. Он произносит слово «нравится», а причем здесь удовольствие? Я буду не из его слов исходить, а из своего удовольствия.

К.А.: Значит, надо сначала сформировать понимание слова.

П.Г.: Человек может выбрать рисовую кашу без всяких образцов, как это делает маленький ребенок.

К.А.: Как это делает маленький ребенок, наверное, тоже можно объяснить.

П.Г.: Может быть, уже физиологией?

К.А.: Может быть.

П.Г.: А как связать эстафеты и физиологию?

К.А.: Никак. Некоторые акты поведения нельзя объяснить эстафетами.

Л.С.: Вот тут и вступает в действие сторонник наличия психической реальности, вот она будет объяснять.

К.А.: Не все поведенческие акты можно объяснить с помощью эстафет, в частности – поведение маленьких детей.

Л.С.: Вот ребенок ложится на пол и кричит на всю улицу.

К.А.: Даже так называемые немотивированные поступки могут быть объяснены с помощью теории эстафет.

П.Г.: Здесь все равно возникает вопрос, почему он именно конфет добивается таким образом, а не чего-то другого.

К.А.: Бихевиористы сказали бы, что это вопрос о подкреплении: что может подкрепить то или иное поведение.

– Подкреплять нужно что-то. У камня подкреплять нечего. Должно быть что-то, что человек выплескивает, в его психике, чтобы можно было это подкреплять.

К.А.: Подкрепляют поведение.

– За поведением стоит, что ребенку что-то надо. А то, что ему надо, – это не поведенческая штука.

К.А.: Да, это характеристика среды.

– Но то, что ему именно это надо, – это элемент другой реальности, не объективной.

К.А.: Я бы сказал, подкрепление становится таковым, исходя из субъекта и взаимодействия субъекта и среды. То, что для одного является подкреплением, для другого не является. Это очевидно. Вопрос в том, чтобы грамотно подобрать подкрепление и определить, почему именно для этого организма это является подкреплением, а для другого – нет. Это мы опять же уходим в прошлые акты. Другого пути нет.

П.Г.: И еще уходим опять-таки в физиологию.

К.А.: Да. Это вот, как возникает социальность.

П.Г.: Я имею в виду – у бихевиористов.

К.А.: У бихевиористов, да... Они особо об этом не рассуждают.

П.Г. Они на этом останавливаются, но в принципе они, вероятно, не отрицают возможность физиологического более глубокого объяснения.

К.А.: Да, это прямо постулируется: условные реакции возникают на базе безусловных. Вопрос в том, как выбрать подкрепление и т. д.

По поводу прошлых выборов – бихевиористы то же самое делают. Ответ в прошлом, ключик к настоящему в прошлом. На пустом месте ничего не появляется. Даже немотивированные поступки объясняются в рамках следования образцам немотивированных поступков. Если есть образцы немотивированных поступков, они будут воспроизводиться.

Вот мне ни с того ни с сего захотелось пастилы.

С.Р.: Вот случайно возбуждился в твоём мозгу участок, в котором записано слово «пастила».

К.А.: Да, вот я и придумал этот пример. Какие еще бывают примеры немотивированных поступков?

С.Р.: Яша рассказывает, что когда он во взаимоотношениях со своей дочерью не выполнял каких-то ее просьб, причем к пище это не относилось, а допустим, относилось к «пойдем в кино», а он не шел в кино, она кричала: «Хочу мороженого, хочу мороженого!» и дальше уже стояла на этом. А почему мороженого?

К.А.: Немотивированные поступки – т. е. никак не связанные с состоянием психологического поля, окружающей среды и с состоянием самого человека.

П.Г.: Когда заходит речь о таких вещах, как почему человек поступает в вуз, почему человек что-то делает, то говорят: человек делает то, что ему хочется. Надо делать то, что хочется. Но каждое мгновение возникают какие-то импульсы, какие-то желания, образы... Попробуйте представить, что было бы, если бы кто-то начал делать все, что ему хочется. Т. е. немотивированные поступки – те, которые совершаются под влиянием таких случайных импульсов.

К.А.: Да, причем таких, которые не вытекают из ближайшей истории, состояния как человека, так и среды.

С.Р.: Скажи пожалуйста, в рамках теории социальных эстафет физиология вообще никакой роли не играет?

К.А.: Нет. Это дополнительный способ описания.

П.Г.: Почему дополнительный?

С.Р.: По Бору. Бор писал, что если детально изучать процессы в мозгу, это вызовет неконтролируемые изменения чувства воли.

К.А.: Физиология изучает физические процессы в нервной системе. Как они связаны с теми или иными движениями, и все. В физиологии нет никаких намерений, ценностей и так далее.

С.Р.: А как ты вообще относишься к информационному подходу, информационному языку? Как ты его соотносишь с теорией эстафет, совсем отрицаешь? Или усматриваешь в этом подходе какую-то недоразвитость?

К.А.: Скорее, недоразвитость, потому что отношение материала и ...

С.Р.: Да, феномен кода, который эксплуатирует теория информации, нам тоже важен. Когда мы рассматриваем практику словоупотребления, возникновение наименования для какого-то предмета, исторически первоначальное в какой-то культуре, то мы отмечаем искусственность этой связи, ее случайный характер. И это есть нечто, находящее аналогию с тем, что может произойти с первым усвоением ребенком слова в соотношении с предметом. Он его может с предметом не соотнести, как в примере с «обоком».

К.А.: Конечно, так реально и происходит. Соотнесение происходит отнюдь не сразу.

С.Р.: А вот Дубровский говорит, что кодовая связь у каждого человека своя, – в том смысле слова, что какие-то определённые участки на слово «яблоко» у одного человека одни, у другого – другие, те не возбуждаются. Они сугубо индивидуальные и случайные для каждого конкретного человека, но, раз возникнув, они закрепляются. И оказывается, что изучение нервных связей, так сказать, пусть в дополнительном отношении к теории эстафет, но это не значит, что это не надо развивать.

К.А.: Конечно, просто это разные задачи, разные подходы, разные науки.

С.Р.: И в то же время это разные подходы, разные науки об одном и том же феномене.

К.А.: В какой-то степени не об одном и том же.

С.Р.: Если мы берем целостный феномен, то об одном и том же. Целостный феномен психики имеет быть только при работающем мозге человека. Ударь человека по голове, исчезнет сознание, исчезнет речь. Т. е. целостный феномен все-таки предполагает работающий мозг.

П.Г.: У меня более общий вопрос. Сталя, когда ты так настаиваешь на существовании психики, может быть...

С.Р.: На существовании психики настаивать не нужно, психика – это совокупность психических явлений. Я настаиваю на том, что у этих психических явлений есть онтологический субстрат или онтологическая сущность, которую я называю психической реальностью.

П.Г.: Вот мне кажется, что, может быть, это связано вот с чем. У Кости была статья «Психология и теория социальных эстафет». Там есть ссылка на статью М. А. Розова и Н. И. Кузнецовой, где говорится о научном и философском понимании человека: «Человек как объект научного изучения не может быть свободным или не свободным. Эти характеристики присущи человеку как носителю субъективного я. Только в свете этого я мир необходимости начинает противостоять миру свободы». И дальше он пишет: «Мы оставляем за кадром трактовку человека как свободного существа и при построении онтологии психологии будем реализовать научную парадигму психологии». А тебе, Сталя, мне кажется, все время не хочется...

С.Р.: Оставлять за кадром наличие в человеке Я...

П.Г.: И у тебя получается смешение, может быть, и из-за этого возникают проблемы, а если ты четко разделишь два плана...

С.Р.: Да, я четко делю Боровской дополнительностью – психику и физиологию.

П.Г.: Нет, тут дело не в физиологии, дело в научном подходе вообще. Научное и философское – вот что противопоставляется.

С.Р.: Научный и философский подход находятся в дополнительном отношении друг к другу. И психология должна взять и то и другое.

П.Г.: Тогда она не будет наукой.

С.Р.: Она будет наукой, отличающейся от всех наук. Будет особой наукой, потому что гуманитарные науки никогда по-настоящему вот такого объясняющего подхода к феномену человеческого духа не применяли. А есть возможность это сделать. Если мы наделяем психику двумя характеристиками и говорим, что она идеальна и субъективна, то мы идеальность сводим к тому, что это вторичный слой, связанный с неполнотой выделения системы, – вторичный слой бытия, – а что касается субъективности, то здесь субъективным остается содержание образца, а способ существования, способ бытия, механизм реализует вот эту вторую, дополнительную сущность. Он находится во взаимодействии двух материй – материи социальных эстафет и материи работающего мозга. Потому что все люди, выполняющие социальную функцию подражания, это люди с работающим мозгом. Идиотов с пустой головой в эстафетах нет. Эстафеты – все – мыслятся как имплицитно содержащие в себе работающий мозг. Гуманитарные науки никогда таких феноменов не изучали, дополнительности никогда не реализовывали, а психология должна это сделать. В ней научный и философский подход должны быть использованы в равной степени. То есть здесь и личностное я и физиология должны быть учтены. И потому развитие физиологии и развитие теории эстафет – это две материи; эстафеты и работающий мозг – это механизм, это материальная объективная основа для возникновения дополнительной ей этой внутренней жизни человека или, как Скиннер говорит, привилегированный доступ к этой реальности. Есть особая реальность, и это есть психическая реальность, реальность привилегированного доступа: никто, кроме меня, не знает, как мне противно.

П.Г.: А ты, Костя, как понимаешь соотношение психологии и философии?

К.А.: Философия отдельно, а психология отдельно.

С.Р.: А у меня подход к человеку философский и научный должны вместе войти в психологическую картину человека, в картину психической реальности. В психической реальности есть содержание и есть механизм. Содержание всегда субъективно, хотя это взаимодействие между... И здесь процедура интериоризации очень важна: это всегда взаимодействие надындивидуального и индивидуального. Они друг в друга все время перекачиваются, переходят, и это содержание. И это то, что мы называем идеальным и духом, как феномен неполноты выделения системы, потому что мы не научились вот эти социальные образцы рассматривать на уровне человеческого работающего мозга. Мозг эти образцы у себя кодирует с помощью человеческих слов, потому что слова – это тоже элемент внешнего мира, но слова кодируются, как и вещи кодируются, и их связи кодируются, и все это переносится на уровень физиологии, биохимии, электродинамики и т. д.

К.А.: На уровне физиологии есть все-таки не слова, а...

С.Р.: Да, конечно, нервные... Это значит, что внешние и внутренние феномены постоянно переходят друг в друга. У тебя наверняка «пастила» имеет определенный

нервный коррелят, физиологический. И у меня слово «пастила» имеет определенный нервный коррелят.

К.А.: Но это вы пытаетесь преодолеть дополнительную, как психофизиологи.

С.Р.: Нет. Я не преодолеваю дополнительную, ни в коем случае.

К.А.: Нет слова «пастила» в рамках физиологии.

С.Р.: В рамках физиологии нет слова «пастила». В рамках физиологии есть работа в рамках только своих реалий, но им дополнительна работа в рамках внутреннего понимания слова. Вот понимание слова – это психологический феномен, а слово – это социальный феномен. А понимание слова – это чисто психологический феномен.

К.А.: С этим никто спорить и не будет.

С.Р.: Понимание слова как внутреннее всегда находится в корреляции с надындивидуальным смыслом – точнее, не смыслом, для этого существует... По крайней мере у Г. П. Щедровицкого существовало выделение в знаке шести элементов. Смысл относился к субъективной реальности, к пониманию... Говорили даже: «личностный смысл», В. П. Тыщенко говорил все о личностном смысле. Смысл – субъективное, а объективное содержание, знание и значение – это все феномены из мира объективного идеального.

К.А.: Ну это рефлексивный подход к пониманию.

С.Р.: Нет. Это надрефлексивный подход. Надрефлексивный подход предполагает учет дополнительной способа бытия и содержания, какой же это рефлексивный подход.

К.А.: Описывается содержание того, что происходит при понимании.

С.Р.: Так это одна сторона дополнительной. А другая – физиология.

К.А.: Нет, почему. Воспроизведение соответствующих образцов.

С.Р.: Я тебе говорю: две материи надо взять. Не только материю социума, человеческого тела и массы человеческих тел, палок, камней и зданий; вся эта масса человеческого бытия – это определенная материальная сущность, среди которой социальные эстафеты – тоже материальные образования. Вот эта материя социальных эстафет находится в определенном материальном же взаимодействии с материей работающего мозга. И только эта материальная связь рождает психические феномены, которые тоже обладают дополнительной. У них есть способ бытия, и у них есть содержание. И они дополнительны между собой. Это есть реализация идеи, что на базе теории социальных эстафет можно понять природу психической реальности.

П.Г.: А способ бытия здесь какой – для психической реальности?

С.Р.: Для психической реальности – это взаимодействие двух материй, социальных эстафет и работающего мозга.

П.Г.: А содержание?

С.Р.: А содержание – это понимание слов, это чувство удовольствия и все то, что мы относим к внутреннему, индивидуальному, к воле: «хочу пить», «больно мне». Это содержание. Это содержание образцов деятельности.

Л.С.: Какой же деятельности, если я хочу пить. Никакой деятельности.

С.Р.: Очень даже. Пошла на кухню, знаю, из чего налить...

Л.С.: «Хочу пить». Вот как пьют люди – это да.

С.Р.: А «я хочу пить» – это не то, как пьют люди. Вот у меня и связано одно с другим. Внешняя материя социума, где главное – это эстафетные цепочки, и процессы в моем мозгу – это все способ бытия. Если меня ударили палкой по голове и мозг отключился, то я уже и пить не хочу. Не будет тогда бытия моего желания...

Л.С.: Это одна такая наука – психология?

С.Р.: Одна. Больше таких...

Л.С.: А литературоведение не будет такой смешанной наукой...

С.Р.: Все они будут смешанными науками после того, как научатся изучать психическую реальность. Потому что все они перейдут от понимающего подхода к объясняющему. Они все будут не только прыгать в зазеркалье, но и изучать механизм бытия этого содержания духа. Все гуманитарные науки будут после этого перестроены, потому что они научатся решать пять методологических проблем гуманитарных наук – специфичных – именно потому что не умеют описывать психику. Потому что дух – это не просто душа. Вот здесь очень сложное отношение между духом и душой, но дух и душа вместе образуют вот этот исключительный объект гуманитарных наук. Они же говорят, что они – науки о духе.

К.А.: А что это за пять проблем?

С.Р.: Это из доклада М. А. Розова, который ты наверняка уже читал и давно не перечитывал. 1-я проблема – проблема объективации. Она заключается в том, что все гуманитарные науки имеют дело с текстом, все гуманитарии как ученые текст читают и понимают. И понимание всегда индивидуально, кроме того, что в нем есть общие элементы, необходимые, чтобы все люди понимали друг друга. Значит, то, как они представляют себе объект, они не могут его выложить на лабораторный стол. В их индивидуальном понимании текста не отрывается объект исследования от них самих, от их истории, от их индивидуальной или социальной истории – каждого конкретного человека. И каждый конкретный гуманитарий выступает как индивидуальный прибор. Не то, что приборы, которые одинаково отшкалированы и настроены, – человек как прибор сугубо индивидуален...

Как эта проблема решается на базе теории социальных эстафет – в докладе это решение не изложено. Розов изложил ее решение в статье о презентизме и антикваризме. В ней показано, что презентизм присутствует в работе ученого неустрашимо, потому что понимать иначе как через себя человек не может. А какой он есть сейчас в этот момент времени – он такой, какова современность, в которой он

живет. Поэтому презентизм в него вложен как некоторый набор средств, с помощью которых он будет понимать прошлое. А антикваризм как раз заключается в том, чтобы восстановить те эстафеты, в рамках которых формировались те содержания, которые он теперь преломляет через призму своего современного взгляда. Переношу это на проблему объективации. Нужно, чтобы каждый ученый, читая текст прошлого, не только зафиксировал свое понимание, но вместе с тем нарисовал, зафиксировал способ бытия своего собственного понимания. Для этого он должен понять, какие силы в нем как в приборе рождают соответствующее понимание. В этом случае он будет способен свое понимание не рассматривать как некоторое исключительное, а будет связывать его со своей личной биографией. Таким образом, ему как бы удастся оторвать от себя изучаемый объект и выложить его на лабораторный стол.

2-я – проблема атрибутивности. Нужно признать социальную реальность неатрибутивной. Неатрибутивность возникает из-за того, что здесь появляется язык. И появляются слова. А связь слова и его денотата – не будем брать значение, потому что это сторона денотата, – исторически когда-то сформировалась, потом закрепилась и по эстафете перешла к нам. Но она искусственная, она не есть связь свойства и материала. В материале ни слова, ни денотата нет этой связи. Люди взяли одно и другое и соединили их клеим эстафет: когда садятся за стол, говорят: «Помолимся». Или говорят слово «стол». Эта связь на самом деле тоже материальна. Но она искусственная материальная связь. Материал этой связи заключается в пространственно-временном совпадении: гляжу на стол и произношу слово «стол». Сажусь за стол и понимаю, что села за стол. Так связываются две материи – работающий мозг и образцы деятельности в эстафете.

3-я – проблема анализа структуры. На примере Проппа это рассматривается, на примере треугольника Фреге. Обычно в рамках понимающего подхода человек имеет дело только с содержанием и выстраивает структуру этого содержания, а не структуру целостного феномена. Пропп выстраивает не структуру сказки, а структуру содержания, которую лучше назвать не структурой, а композицией, как Пропп потом и назвал. Для того чтобы выстроить строение знание, знака, научной теории, нужно взять целостный феномен, у которого есть не только содержание, но и механизм бытия этого содержания. Учет механизма бытия и обеспечивает переход от понимающего подхода к подходу объясняющему.

4-я проблема – это проблема изучения систем с рефлексией. Решается она с помощью Боровской дополнительности. У рефлексии нужно взять содержание образцов деятельности и под это содержание нужно самостоятельно выстроить эстафеты или ответить на вопрос о способе бытия этого содержания. Т. е. выстроить эстафетные механизмы бытия этого содержания. И взять их как некие дополнительные друг к другу сущности, так чтобы учитывать и содержание и механизм.

5-я – проблема зазеркалья. Нужно обязательно зафиксировать устройство зеркала, т. е. ответить на вопрос, каков способ бытия того, что отражено в зеркале.

Эти проблемы гуманитарных наук могут быть решены на основе теории социальных эстафет, и тогда они смогут перейти на стандарты естественно-научного познания. Они смогут реализовать идею методологического изоморфизма естественных и гуманитарных наук. И первое, что здесь нужно сделать, разобраться в психике человека. Гуманитарные науки – изучая психику человека в литературоведении, в языкознании и где бы то ни было – останавливаются перед этими методологическими проблемами.

Мое понимание психической реальности опирается на Боровскую дополнительную и на теорию социальных эстафет как на теорию одного из материалов, который обеспечивает способ бытия. Но этот материал ничего не может нам объяснить, если мы не обратимся к физиологии, к материалу работающего мозга. Потому что именно в мозгу возникают связи кодирования. Людям надо склеивать, все время воспроизводить. А в мозгу это уже сошлось у каждого конкретного человека раз и навсегда. Вижу стол – и у меня уже готова веточка возбуждения для того, чтобы произнести слово «стол».

К.А.: А как это все применять к конкретным психологическим исследованиям? Или это, может быть, только философия психологии. А психологи пусть уж дальше сами...

С.Р.: Я думаю, что это, конечно, пока еще философия и немножко, исходя из философии, методология, т. е. что нужно делать. Но не применять то, что я говорю, а разрабатывать. То, что я говорю, есть методологический проект. Этот методологический проект предполагает развитие физиологии высшей нервной деятельности параллельно с теорией социальных эстафет. Т. е. нужно завязать материальными связями материальные узлы – вот то, что не сделано у Розова. Он абстрагировался от ментальных состояний. И только один человек среди наших знакомых – Олег Соловьев – попытался рассмотреть эстафетную природу ментальных состояний, но тоже на уровне чисто философском, а не научном. У него одна сущность у двух феноменологий. Есть феноменология психики и есть феноменология социального смысла слов. Т. е. есть значения слов, это изучается философией науки, аналитической философией и т. д.

П.Г.: Вот то, что в словаре написано?

С.Р.: Да, лингвистика это изучает. А вторая феноменология – в душе у человека есть понимание этих слов. Это две феноменологии одной сущности. Этой одной сущностью являются эстафеты. Это заявка на то, чтобы ментальность тоже свести к эстафетам, как хочет Костя. Но это только философская заявка. Это его докторская диссертация, которую я вывела на этот уровень через философскую идею двух феноменологий при одной сущности. Мне очень помогала здесь идея внутренней речи –

идея Кости. Интериоризация – хороший заход. Ну и конечно, попперовский второй и третий мир – их надо завязать. Потому что второй мир – это психология. Третий мир – это значения. И они все время вместе. Только их совместное и дополнительное соотношение – путь. И следующее, что нужно делать, – изучать дополнительную психологического и физиологического. Причем не просто физиологического, а физиологическое связать с эстафетами. Это первое.

К.А.: Это, на мой взгляд, вы пытаетесь преодолеть дополнительную, что обречено на неуспех.

С.Р.: Я не пытаюсь преодолеть дополнительную. Я пытаюсь на ее базе что-то построить. Дополнительность ведь в квантовой механике понимается как совместность, но не такая, как белое и твердое, скажем. Ведь мы характеризуем траекторию и импульс разными приборами, но у одного объекта. С определенной точностью. И так же и тут будут накладки. Но и то и другое надо отнести к тому, что есть человек.

К.А.: Но между ними нельзя провести никаких связей.

С.Р.: Кроме связей Боровской дополнительной.

К.А.: Одна картина отдельно полностью, и вторая картина полностью отдельно. Между ними никакой связи.

С.Р.: Да. И тем не менее мы обе картины должны отнести к человеку.

П.Г.: Я пытаюсь понять то, что Сталя сказала о двух феноменологиях и вижу в этом тот же смысл, что в статье Кости в сборнике «На теневой стороне». Сначала там сказано, что психики нет для науки, а в конце говорится, что психику можно рассматривать как еще одно поле для реализации эстафет. Значит, она все-таки есть.

К.А.: Не как причина поведения. Сначала утверждается, что...

П.Г.: Сначала у меня тоже было то же сомнение, что и у Стали: если что-то не является причиной, это еще не значит, что этого нет в онтологии. Но главное для меня другое. Если говорить о психике с научной точки зрения – не имея в виду, что человек что-то видит, например, внутренним зрением, – а говоря о поведении человека действительно мы видим, что есть внутренняя речь, она не слышима, но можно зафиксировать сокращение голосовых связок. Или если я, казалось бы, ничего не делаю, а на самом деле внутренне воспроизвожу то, как забивают гвоздь, а потом действительно забиваю гвоздь в доску, – это два варианта реализации социальной эстафеты. Я правильно понимаю, что слова о том, что психика – это поле реализации эстафеты, имеют такой смысл?

К.А.: Когда шахматист рассчитывает варианты про себя, а не передвигая фигуры, он действует по одним и тем же правилам, работает в одних и тех же эстафетах.

П.Г.: Да. Тут, конечно, возникает вопрос: откуда мы знаем, что шахматист, который сидит молча перед доской, внутри себя что-то передвигает. Как это можно научно исследовать?

К.А.: Только через самоотчет.

П.Г.: Да, или разрабатывая особые методы фиксации...

К.А.: Движения глаз...

П.Г.: Да, сокращения мышц и т. д. И то, что говорилось о двух феноменологиях, я могу пока только так понять. Есть социальные эстафеты, есть описания их содержания в виде, например, словарных статей и есть вторая феноменология, которую можно вот так интерпретировать, как Костя.

К.А.: Я-то интерпретировал это напрямую как значение и личностный смысл. С одной стороны, значение слов, а с другой – то значение, которое имеют эти слова для человека, т. е. личностный смысл.

П.Г.: Кроме этого, мне кажется важным вот что. Ты согласился, что в поведении человека есть такие аспекты, которые эстафетами не объясняются.

К.А.: Да. Но они не являются предметом рассмотрения в психологии.

П.Г.: Вот такая ситуация: маленький ребенок одно попробовал, отказался, попробовал другое и потом стал все время требовать.

К.А.: Не знаю, может быть, и физиология, скорее всего. Если речь идет о еде, то да.

П.Г.: Память – один человек хорошо запоминает, а другой плохо. В каких-то случаях можно говорить об эстафетах, о средствах запоминания, но все равно где-то мы наткнемся на какой-то исходный уровень. Какие-то простейшие вещи один только через день может воспроизвести, а другой через год воспроизведет.

К.А.: Это опять же может быть объяснено физиологически как-то...

П.Г.: Несомненно. Тут есть физиологические факторы, на которые можно влиять с помощью медикаментов, может быть, еще как-то. В какой степени это можно отделить от психологии и сказать, что психологу все это в принципе не интересно?

К.А.: Интересует постольку, поскольку это обеспечивает однородность экспериментальной выборки. А что там за этим стоит, это уже...

П.Г.: Т. е. ты исходишь из интереса психологов – так, как они сложились к настоящему моменту.

К.А.: Да.

П.Г.: А если говорить не о разделении труда в науке, а говорить об изучении человека, о стремлении просто понять человеческое поведение? У меня возникла мысль, по аналогии с тем, что я у тебя прочитал по поводу школы Рубинштейна – о разделении дизъюнктивного и недизъюнктивного способа мышления. Школа Рубинштейна настаивает на том, что в психике нет на самом деле отдельно существующих психических явлений, только в абстракции можно их выделять. А есть психологи, которые думают, что они есть и нужно, например, память найти... Если продолжить эту мысль, можно сказать, что, может быть, этот недизъюнктивный способ надо применить и к жизни человека в целом.

К.А.: Тогда у нас не будет средств для описания, поскольку психологический и физиологический подходы дополнительные, и объединить их можно только как дополнительные картины.

П.Г.: Но в квантовой механике, как Сталя сказала, объединяются и представления о траектории и представления об энергии. И то и другое – элемент квантовой механики.

К.А.: Да, можно так же и здесь, с известной точностью.

П.Г.: И можно сказать, что должна быть наука о человеке в целом, включающая в себя все это.

К.А.: Может быть. Может быть, когда-то так и будет.

П.Г.: А вот психология и философия – тут, вероятно, надо разбираться. Пока есть две отдельные позиции.

С.Р.: Не вся философия, а только философский подход к человеку должен быть соединен с психологией – который признает наличие в человеке психической реальности, свободы.

П.Г.: Когда реально нужен философский подход – тогда, когда мы начинаем обсуждать свои жизненно важные проблемы...

С.Р.: Конечно, когда мы говорим о о свободе, в первую очередь.

П.Г.: Когда человек думает: зачем я живу...

К.А.: А в рамках науки свободы нет...

С.Р.: В рамках науки свободы нет. И если психология без философского отношения к человеку, то в этих рамках человек не свободен. Но он и не несвободен. Н. И. Кузнецова пишет: к нему не применимо понятие свободы. Поэтому и отрицание тоже не применимо.

Я считаю, что психология как наука будет включать в себя как дополнительные научный и философский подходы к человеку.

К.А.: Так очень многие считают, протаскивая свою философскую позицию в науку.

С.Р.: Ну и прекрасно.

К.А.: Ценностное отношение к человеку протаскивают в науку.

С.Р.: Да.

К.А.: Что, по-моему, только усугубляет ситуацию при решении чисто научных психологических вопросов.

Л.С.: А нужна ли психология как чистая наука?

К.А.: Нужна, конечно. У нас недавно Леша Котов, недавний аспирант, выступал перед студентами и говорил: если вы считаете, что психолог – это человек, который хорошо относится к людям, то я не психолог. Я людей либо изучаю, либо обучаю. Вот с очевидностью провозглашенная позиция: я людей изучаю.

С.Р.: Щедровицкий говорил, что психология – это не наука, а особая сфера культуры. В ней есть и прикладная и много другого, а то, что психология должна быть наукой – это уже атавизм.

К.А.: По Щедровицкому, наука – это атавизм.

С.Р.: Да, это совсем не так уж хорошо, быть наукой. Потому что куда повернет культура, чего она выберет? Инженерию, проектирование, науку, их единство...

К.А.: Все-таки я считаю, что мухи отдельно, а котлеты отдельно.

С.Р.: Да, я понимаю.

П.Г.: По поводу психических явлений еще хочу сказать одну вещь. Костя говорит, что нет психических явлений: нет памяти, нет воли даже в каком-то особом научном смысле слова.

С.Р.: И Рубинштейн об этом же говорит.

П.Г.: Рубинштейн – это недизъюнктивность, т. е. нет отдельно памяти, внимания... А Костя говорит, что ничего нет. Аналогия, хотя очень отдаленная: возьмем не человека, а механическую систему. Можно сказать, что с точки зрения механики нет ничего, кроме того, что заложено в трех законах (если ограничиться классической механикой). Но если мы видим какую-то сложную механическую систему и видим, что в ней при определенном ее поведении можно включить в ней что-то, и начинает работать реактивный двигатель, он приводит ее в движение. Кроме того, скажем, там есть гироскоп, который позволяет сохранять направление этого движения. С помощью маятника отсчитывается время и в определенный момент включается что-то еще. Имеет ли смысл говорить, что с точки зрения механики как науки нет реактивных двигателей, нет гироскопов, нет маятников.

К.А.: Не знаю, может быть, и не имеет смысла – поскольку в рамках механики нет средств для изучения...

П.Г.: Физики, видимо, так не скажут. Есть конструктор, с помощью которого можно строить более сложные системы – маятники, гироскопы, реактивное движение. Есть система и есть ее сущность, ее внутреннее строение. И вот когда мы говорим о поведении – человек запоминает, потом вспоминает и т. д. Все-таки, может быть, хотя и не так

К.А.: Некоторый куматоид можно рассматривать как совокупность определенных эстафет.

П.Г.: Все это существует в физиологическом материале.

К.А.: Нет, без ссылок на физиологический материал. Точно также можно компьютерные программы строить.

П.Г.: Но если нас интересуют детали поведения данного человека, без физиологии не обойтись. Тем более если есть какие-то практические задачи изменения этого поведения. Без физиологии можно обойтись только до определенного предела.

К.А.: Думаю, что нет. Но это уже спекуляции.

П.Г.: Мозг в любом случае ставит какие-то ограничения на возможности человека. Если нужно эти ограничения перейти...

К.А.: Здесь нужно говорить очень конкретно. Возможно, что и нельзя снять эти ограничения, возможно и такое.

П.Г.: С помощью лекарств это делают. Наркотики. Что-то, может быть, есть, что может влиять на память.

С.Р.: Уже пора подвести итоги.

Участник семинара – говорит, что его интересует возможность анализа человеческих переживаний, но ему пока не ясно, как это можно делать на основе представления о социальных эстафетах.

П.Г.: Я практически сказал, что хотел. Важно, что были зафиксированы две позиции о соотношении психологии и философии. Интересен вопрос о возможности единой науки о человеке, где нет разделения на психологию и физиологию. Я себя иногда ловлю на том, что когда я говорю о социальных эстафетах, получается иногда бездумное произнесение этих слов и стоит за этим простой образ: есть несколько образцов действий и люди, которые это повторяют. А на самом деле реальная жизнь людей определяется всем, что есть внутри человека, всей его физиологией, физикой и, может быть, и квантовой механикой в конечном счете. Для меня вот эти моменты наиболее существенны.

По поводу того, что хочется действительно разобраться в переживаниях человека, но не ясно, как это сделать. Просто сказать, что мы сейчас не можем, надо искать пути – это фактически означает, что пока их нет и нет никаких намеков на эти пути. А когда Костя говорит о поведении, которое определяется социальными эстафетами, для него за этим стоят какие-то наметки решения проблем, связанных с переживаниями и с другими вопросами психологии.

К.А.: Я бы сказал, что реальная жизнь реальных людей никогда не будет предметом научного изучения – и слава богу. Психология как наука никогда этим заниматься не будет. Она имеет свои естественные границы. Это утопия – что с помощью психологической науки можно разобраться в конкретных переживаниях конкретного человека. И это нужно четко осознавать: что границы научного изучения есть и психология тоже не исключение. Любая наука не может изучать какой-нибудь уникальный объект, точно так же и психологическая наука

С.Р.: Да, но речь идет не о переживании как индивидуальном явлении, а о переживаниях как классе явлений.

К.А.: В общем виде ответ готов, он есть. Переживание, эмоция зависят от той или иной оценки событий, которые вызывают эту эмоцию. От оценки в прямом смысле – хороший, плохой.

С.Р.: Но почему человек сказал один раз: хорошо, а другой раз: плохо – это и есть сектор Я...

К.А.: Необязательно, это просто образцы оценки.

С.Р.: Образцы оценки есть, я знаю, что все оценивается как плохое, хорошее, посредственное и отличное. Но я не знаю, как оценить мне наш сегодняшний разговор – как плохой или хороший?

К.А.: Я бы на троечку оценил. Как удовлетворительный.

С.Р.: Я не знаю...

В этом смысле философский подход и такой, практический подход действительно идут отдельно. Наука будет оставлять какие-то... общие положения, а конкретные применения к конкретным условиям – это все равно что построить самолет на базе каких-то физических законов. Это совершенно другая задача.

П.Г.: Да, там же целый комплекс технических наук появляется еще.

С.Р.: Кроме технических наук, у каждого инженера своя интуиция, свой набор когда-либо решенных задач, из которых он будет черпать образцы.